

О. В. Мартышин¹

КОНСЕРВАТИЗМ КАК СИСТЕМНЫЙ СДВИГ И ВЫЗОВ (О некоторых эксцессах современного отечественного консерватизма в сфере юриспруденции)

Второе десятилетие XXI века ознаменовалось усилением консервативных тенденций в мире. Это явление логично рассматривать как несколько запоздавший отклик на распад «мировой системы социализма».

Национальные интересы сбросили надстройку из двух лагерей. Вслед за социалистическим лагерем распался СССР. Запад, вышедший победителем из борьбы двух систем, еще сохраняет единство, скрепленное НАТО и Европейским Союзом, но и там активизируются центробежные силы, которые раньше сдерживались остротой внешней угрозы, и вновь претендуют на роль главной движущей силы как в международных отношениях, так и во внутренней политике. В этом смысле новые веяния в Российской Федерации находятся в русле одной из глобальных тенденций.

Национализм и консерватизм, как правило, идут рука об руку, ведь главное содержание консерватизма состоит в защите национальных устоев.

Консерватизм представляет собой явление широкого диапазона. Главным свойством консерватизма, характерным для всех его направлений, является защита исторически сложившихся ценностей и институтов — религии, государства, семьи, частной собственности.

Консерваторы бескомпромиссно отрицают насильственное ниспровержение существующих структур, революции, разрушение устоев общества — все это, по их мнению, лишь ухудшает положение и никогда не приводит к осуществлению провозглашаемых благородных целей. Консерватизм утверждает справедливость и вечный характер общественного неравенства.

К. Н. Леонтьев, один из самых знаменитых и наиболее последовательных и откровенных идеологов русского консерватизма XIX века, писал: «Истинное христианство... признает одно только равенство — равенство всех перед судом Божиим, нужен для России

особый высший класс людей, нужны привилегии, необходимы и особые права на власть»².

Отличительная черта традиционного консерватизма — отрицание свободы личности — также нашла яркое воплощение у Леонтьева: «Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом-“богоносцем”, от которого ждал так много наш пламенный народолюбец Достоевский, он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность... Он должен быть удержан свыше на скользком пути эгалитарного своеволия»³.

Неприятие свободы и равенства ведет к отрицанию демократии. Вождь английских консерваторов Б. Дизраэли утверждал, что демократия привела к олигархии, к ужасам капитализма свободной конкуренции, к расколу общества на богатых и бедных. Избавить от олигархии может не эгалитаристская демократия, а союз короны, аристократии и народа. Генри Мэн доказывал, что демократия сводится к правлению партий, контролируемых их лидерами, и всегда вырождается в диктатуру⁴.

Характерная особенность консерватизма — тесная связь с религией, причем не в форме личной веры или духовных поисков, а в виде четко организованной иерархической системы государственной церкви. Леонтьев подчеркивал, что истинное христианство — «не выдуманное, а церковное»⁵. Он защищал «несколько суровое, но всем доступное и известное “филаретовское” православие, а не хомяковское»⁶.

Леонтьев удачно обобщил платформу консерватизма XIX века, призывая понять «научную необходимость новых оттенков теократии, сословности, монархизма, аристократии и порабощения»⁷.

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др. Член редколлегии журнала «Государство и право».

² Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 264, 305.

³ Там же. С. 290, 291.

⁴ Brinton C. English political thought in the nineteenth century. L., 1933. P. 277–279.

⁵ Леонтьев К. Указ. соч. С. 264.

⁶ Там же. С. 378.

⁷ Там же. С. 250.

Но у этой платформы наряду с названными универсальными принципами любого консерватизма от древности до наших дней были и особенности, порожденные эпохой свободной конкуренции. Консерваторы XIX века осуждали капиталистическую олигархию и новые формы социальной несправедливости, возникшие в результате промышленного переворота. Они отвергли систему экономического либерализма, отделившую собственность от обязанностей и породившую дикие формы эксплуатации человека человеком. Консерватизм, сформировавшийся в Европе как реакция на Французскую революцию, носил антикапиталистический характер.

С конца XIX века начался процесс обновления консерватизма в соответствии с изменившейся социально-политической ситуацией. Убедившись, что битва с буржуазией за власть проиграна бесповоротно, а на политической арене появилась новая грозная сила в лице рабочего и социалистического движения, консервативная аристократия пересмотрела свое отношение к экономическому либерализму. Этому способствовали и перемены в политике либералов. С конца XIX века они постепенно отходили от принципов *laissez faire*. Вмешательство государства в социально-экономическую жизнь усиливалось. Возникло течение неолиберализма, допускающее государственное регулирование, некоторые либералы сближались с социалистическим движением. В этих условиях консерваторы выступали защитниками частной собственности во всех ее формах (земельной, банковской, индустриальной) от социализма, принцип экономического либерализма стал их знаменем. Одновременно смягчалась и критика демократии. С конца XIX века происходит сближение консерваторов с той частью либералов, которая сохранила нетерпимость к государственному регулированию. Новый консерватизм стал последовательно буржуазным и антисоциалистическим. Его классическими образцами служат наследие Ф. Хайека и либертариизм (либертарианство) в подлинном смысле слова, в отличие от так называемой «либертарно-юридической теории права».

При существенных различиях традиционный и новый консерватизм сближает определенное единство установок и роль в политической жизни. Консерваторы всегда выражали и выражают интересы привилегированных слоев или правых сил. Влево от них располагаются либералы, а крайне правый фланг занимают реакционеры. Границы между ними подвижны.

При советской власти консерватизм в рассмотренном выше смысле был невозможен. Распад советской системы привел к возрождению и параллельному развитию консерватизма двух типов: традиционного, антибуржуазного, и нового, антисоциалистического. Их соотношение и влияние постоянно изменяются.

В первое постсоветское десятилетие казалось, что в идеологическом плане в стране безраздельно господствует либерализм. Возрожденный капитализм в условиях идеологического и в известной мере политического плюрализма не мог не привести к появлению современного «антисоциалистического» консерватизма, то есть либертариизма. Он представлен правыми партиями и движениями. В теории права этот вид консер-

ватизма находит выражение в таких тезисах, как «минимальное государство», сугубо формальный характер свободы, равенства и справедливости как признак права и правового государства, в утверждениях, что социальные функции государства ограничивают свободу личности, создают привилегии, что тем самым социальное государство вступает в противоречие с правовым государством, и т. п.

Параллельно с формированием либерализма, неотъемлемой чертой которого является безусловная защита институтов политической демократии (своего рода западничество), возрождался и традиционный русский феодально-монархический консерватизм. Одним из его воплощений стала так называемая «православная теория прав» (так называемая, потому что она не соответствует официальным документам РПЦ). По словам пропагандиста «православной теории» А. А. Васильева, «идеалы правовой республиканской государственности, свободы личности, превалирование права как социального регулятора являются духовно воплощенными, в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под духовные и культурные ценности исключительно Европы»¹.

Вместо западных ценностей предлагается «духовный синтез права, правды (традиционной нравственности русского народа) и православия (традиционной религии русского народа)»². Право провозглашается божественным, вечным и неизменным. Православная монархия рассматривается как лучшая и единственно возможная в России форма правления. Предлагается придать православию статус господствующей религии, сократить законодательное регулирование, создав тем самым условия для соблюдения обычаев православного народа. Отметим, что «православная теория» всецело сконцентрирована на критике политической и правовой системы. Социально-экономических проблем она не касается. Антикапитализм в ней практически не представлен.

В первое постсоветское десятилетие традиционный консерватизм казался периферийным явлением. Поворот в идеологии правящей партии от либеральных ценностей к консервативным, случившийся во втором десятилетии, изменил ситуацию. Конечно, «православная теория права» все еще воспринимается в отечественной юриспруденции как эксцесс и экзотика. Но если она находит приверженцев среди дипломированных юристов, если ученые советы солидных учреждений присваивают авторам этих теорий докторские степени, то можно представить, какой отклик находят подобные идеи среди многочисленной консервативно (если не реакционно) настроенной части православного клира и прихожан.

В идеологии правящей в России партии сегодня сочетаются оба вида консерватизма (и модернистский, антисоциалистический, и традиционный, из которого исчезли антикапиталистические элементы). О модернистском аспекте свидетельствует курс на развитие капитализма, защиту частной собственности. При этом

¹ Васильев А. А. История российской консервативной политической мысли. Барнаул, 2011. С. 252.

² Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 22.

от упомянутых выше эксцессов либертаризма правящая партия отказывается. Ей явно не чужд государственный патернализм. Если в экономике на пропагандистском уровне доминирует модернизм, то в политической жизни преобладают тенденции старого консерватизма, ориентирующегося на традиционные национальные ценности. Это сочетание кажется парадоксальным и действительно является таковым. Но оно не ново. Дореволюционная Россия знала подобное соотношение модернизма и традиций.

Западничество ассоциируется в нашем сознании с либерализмом или революционностью. Н. Н. Алексеев ввел понятие «реакционного западничества», характерного для правящей верхушки царской России. Имелись в виду образ жизни, привычки, связи, интересы,

авторитарные методы управления с использованием технических и технологических достижений западной цивилизации. «Реакционное западничество было у нас не теорией, а государственной практикой», — писал Алексеев и добавлял: «чтобы иметь идеологию, Российская империя принуждена была довольно искусственно покрыть себя лозунгами в общем чуждого ей славянофильства»¹. В конечном счете искусственное соединение противоречивых начал оказалось губительным для самодержавия.

Не рискуют ли современные сторонники традиционного консерватизма в России, ищущие идеалы в прошлом и отвергающие демократические принципы как чуждое и враждебное влияние Запада, повторить ошибки и судьбу самодержавия?

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 127.